

Екатерина Каграманова
(Ставрополь)

ЗВЕЗДОЧКА ЗОЛОТАЯ

Антон обвёл пальцем завиток на клеёнке и поднял голову, но заговорить не успел. Дверь кухни открылась. Аня, конечно.

Он терпеливо сказал:

– Ань, мы с мамой поговорить хотели. Вдвоём. Побудь пока в комнате, ладно?

Аня опустила взгляд, губы горестно изогнулись, брови страдальчески сошлись, образуя морщинку.

– А я тоже хочу поговорить...

Антон с трудом сдержал вздох. Он слишком хорошо знал, что означает эта гримаса. Не получив желаемого, Анька сядет на пол и начнёт рыдать, завывая в голос и причитая. Мать станет ее обнимать, отвлекать всякой чушью. Отец, как обычно, сидит в своей комнате, смотрит очередное ток-шоу, поэтому разгрести это дело придётся им двоим. Как всегда. А вернее, матери – ей одной. А потом вздрагивающими руками она будет капать в рюмку корвалол... А, пошло оно всё!

– Ну, садись, Ань, – он выдвинул табуретку из-под стола. Кухня была тесная. Вчетвером, всей семьёй, они там еле помещались. А для троих – вполне ничего.

– Давай поговорим. Что ты там принесла?

Аня громко сглотнула, будто протолкнула обиду внутрь.

– Вот, – она с готовностью протянула Барби, – смотри, какое платье.

– Ого! – Антон значительно кивнул, поворачивая куклу так и эдак. – Да ты прям кутюрье!

– Кто?

– Ну такой крутой мастер по платьям.

– А-а-а, – лицо сестры расплылось в улыбке. – Знаешь, как трудно эти складочки делать?

Антон посмотрел повнимательнее – бумажная юбка на кукле действительно была в мелкую складочку. Кривоватую, конечно. Но это сколько ж надо приминать, приглаживать...

– Круто, Ань. Очень круто, честно!

Сестра неуклюже слезла с табуретки и сунулась к нему обниматься. Антон потрепал ее по мягкому плечу и попросил:

– Дашь нам с мамой минутку? Вот прямо одну минуточку – и всё. А потом я приду и кое-что тебе расскажу.

– Про лошадку? – небольшие глаза её засветились счастьем.

– Ага, про лошадку, – тут главное было не спешить, говорить спокойно.

Аня шмыгнула носом, двинулась к двери. Уже на выходе обернулась и спросила:

– А мама сказала, уже почти зима. Ты что у Дед Мороза попросишь?

– Не знаю ещё.

– Я – раскраски. Много. Две или три. Или это очень дорого? – Аня тревожно скривила лицо.

– Да нет, нормально. Ты иди.

Антон закрыл за ней дверь и посмотрел на мать. Она всё это время сидела с напряженным лицом – готовилась, если надо, вступить в игру. Сейчас успокоилась, прислонилась спиной к цветастым обоям.

Так, теперь снова собраться.

– Мам, я вот что хотел...

– Сынок, ты же не поел ничего. Супчик будешь?

Антон еле сдержался, чтоб не грохнуть ладонью по столу. Сдержался.

– Мам, я не буду ничего. Можешь просто послушать?

– Ну что ты сердишься? Я слушаю.

– Смотри, я сегодня был в банке, мне уже могут дать ипотеку. Зарплата, стаж – всё позволяет. Но вот какое дело – там нужен первоначальный взнос. У меня есть кое-что, но мало. Я знаю, вы с отцом откладываете. Я хотел попросить в долг. Я отдам – ну не сразу, постепенно, конечно, но отдам.

– А сколько? – мать обеспокоенно всматривалась в его лицо.

– Двести. Ну хотя бы сто. Я ещё у ребят спрошу.

– Антош... – она покачала головой.

– Нет? – Антон не поверил.

– Нет. Эти деньги на Аню. Нас с отцом не станет, как ты такой груз потянешь? – она вздохнула и продолжила: – Даст Бог, женишься, семью заведешь, разве до неё тебе... А на эти деньги – наймешь сиделку хоть на какое-то время, будешь следить, чтоб не обижала её. Только не в интернат...

На последних словах голос матери дрогнул.

– Мам, да это когда будет! – он уже не мог сдерживаться. – Проблемы решают по мере их возникновения, слышала? Так у меня сейчас проблема! Я сейчас нормально жить хочу!

Он никогда не позволял себе этих мыслей. Но теперь они обрушились разом, как лавина, требуя выхода в словах. Он мог сказать всё – что он всегда решал проблемы сам. И в школе, и в универе, и в армии этой... Всегда – сам! Никогда ни о чём не просил! И после дембеля он тоже хотел сам заняться ремонтом в их «трёшке» – постелить ламинат, потолки натяжные, плитку. А потом вдруг стукнуло: места ему там не было. Не было места в этой квартире. Отец за год уверенно обосновался в его бывшей комнате, смотрел там свои ток-шоу и прочую чушь. Да, батя готов был перебраться в так называемый зал. Но Антон зашёл в эту свою клетушку... Да пропади оно пропадом – нет! Теснота, духота, эти вечные мультики за стенкой...

Всё это он мог сказать, но не сказал. Потому что она сама всё знала не хуже его. Знала и молчала. Поэтому Антон просто усмехнулся и кивнул:

– О'кей. Понял.

Мать робко вскинулась:

– Ты не обижайся...

– Ага, ладно. Я пойду прогуляюсь, только про лошадку там сама расскажи.

Выходил вроде спокойно, а в лифте что-то стало раздуваться, натягиваться в груди, мешая дышать. Из подъезда почти выбежал, словно кто толкал в спину. Торопился к скверу – зачем, непонятно. Сырой воздух как-то комкался, проходил внутрь тяжёлыми рывками. Вдох, выдох, вдох, выдох...

Наконец ослабла немного, отпустила эта штука внутри. Вдох, выдох. Антон постоял ещё немного и пошёл по дорожке вперёд, к старому пруду. Успокаивалось сердце, успокаивались мысли.

На самом деле её звали Агния. Что нашло на мать – неизвестно, но дочь она твердо решила назвать так. Все знакомые, впервые услышав имя, спрашивали: «Барто?» За несколько лет Антон успел возненавидеть эту идиотскую шутку. Потом выяснилось, что сестра не может выговорить «Агния». Несчастный скованный язык кое-как выдавал «Аня», не больше. К пяти годам она уже твердо была Аней.

Мать долго не признавала диагноз, упорно доказывала, что девочка просто своеобразная, развивается в своем темпе. Но когда Ане исполнилось шесть, на школьной комиссии несчастье стало очевидным. Прошло уже

четырнадцать лет, а сестра всё собиралась в первый класс, всё хвасталась воображаемыми тетрадками.

Иногда он думал, какой она могла быть. За болезненной полнотой толком было не разобрать. Представлял её похожей на мать и, значит, на себя – скуластой, тонколицей.

Сколько Антон помнил себя, мама всегда была занята сестрой, а отец пропадал на работе. Он действительно много работал – на его зарплату и жили, ну и Анькина копеечная пенсия.

Мать пыталась уделять внимание им обоим, но безуспешно. Вечные занятия – она всё ещё продолжала надеяться. Логопед, арт-терапия, лошади какие-то... «Аня, давай – сорока-белобока...», «Видишь, Анечка, зайчик не хотел есть, прилетела злая муха и съела его еду...»

С Антоном не было проблем. Антон был здоров, нормально учился, занимался волейболом. Антон не требовал внимания. Антон привык.

За чёрными ветками поблёскивал пруд, от него несло тинной. Антон не пошёл к воде, повернул назад. Фонарный свет падал на грязный асфальт. Их хорошо распределили, фонари – света каждого хватало ровно до следующего. Каждый освещает свой участок, и получается, что вся аллея освещена. Идёшь – и везде светло. Почему в жизни не так.

Снова натянулось в груди, разбухло до самого горла тугим комком. Антон остановился, поднял голову. Тучи сизыми клочьями закрывали небо – ни звёзд, ни луны, ничего.

– Сколько можно? Ну сколько можно? Сделай что-нибудь! – кому он это в отчаянии сказал, сам не знал.

Но что-то сдвинулось там, наверху. Какая-то тёмная глыба отъехала в сторону, и загорелась, засветилась яркая желтоватая точка – одна-единственная, прямо над головой.

Что-то сдвинулось там, наверху. Какой-то камешек сместился, и – покатилося–понеслось. Как бывает в пазлах: ничего не выходит, а потом бац, один кусочек встал на место – и сложилась картинка. Всё вышло так просто, что Антону не верилось. На работе был корпоратив, юбилей фирмы. Шеф подвыпил – как выяснилось, отличный парень. Разговорились – кто да что. Оказалось, служил в той же части, только на три года раньше, такое совпадение. Ну и всё. Слово за слово – сам предложил помочь. И денег занял, и в банке у него знакомство обозначилось. Теперь только работать... И Антон работал – пахал как проклятый.

Приходил домой поздно – смотрел квартиры. Ложился спать, а перед глазами мелькали эти малогабаритки, убитая «вторичка», вылизанные новостройки.

Хозяева, риелторы, любопытные соседи. Дома ничего не рассказывал. И некогда было, и из принципа тоже. Не хотите помочь – не надо. Всякий раз, как думал об этом, становилось трудно дышать.

И только когда всё срослось, позвал их посмотреть. Поехали вчетвером. Район новый, мать радовалась, что недалеко. Будто ей не всё равно... Антон не скрывал гордости – квартира была хоть не новая, но чистая, не прокуренная. И прежние хозяева оказались приличными, оставили хорошую «стиралку», кухонную мебель.

Мать вошла, ахнула:

– Какой же ты молодец, Антоша... Как раз к Новому году въедешь. Новый год – новая жизнь!

Он сдержанно ответил:

– Спасибо.

– Знаешь, что? – в глазах её, кажется, переливались слезы. – Тебе шторы нужно укоротить. Вон, смотри, прямо по полу волочатся. Я сделаю. Снимешь?

Антон пожал плечами. Он на эти шторы вообще не обратил внимания. Полосатые какие-то. В общем, да, длинноваты. А новые в ближайшее время не купить – и так придется экономить. Ладно, хочет – пусть укорачивает.

Мать засуетилась, даже развеселилась как будто, стала командовать. Сняли шторы, сложили в пакет, поехали домой. Антону не терпелось скорее перебраться. Двадцать девятого наконец перевёз своё барахло.

Мать позвонила тридцатого вечером, когда он смотрел фильм – в своей квартире, в тишине!

– Сынок, шторы готовы. Давай завтра привезу тебе. Ты же не работаешь? У отца тоже выходной, он с Аней побудет, а я к тебе.

Приехала она почти в полдень. Улыбаясь, протянула пакет. Антон вынул, развернул – что-то лёгкое, светлое.

Удивился:

– Это чего? Разве такие были?

– Это новые. Я заказала. Нравятся? Подарок от нас к Новому году.

Она обняла Антона, и он тоже неловко обнял её. Почему-то простое «спасибо» не выговаривалось.

– Ну, давай повесим? – она подошла к окну и ахнула: – Ой, да у вас тут гулянье! Ты смотри, и ёлка, и Дед Мороз! Пойдём посмотрим?

Глаза у неё были как у ребёнка, как у Аньки, когда та радовалась.

Антон пожал плечами:

– Ну, пошли.

Морозный, ясный был день, такие в детстве кажутся полными обещаний. Сыпало с неба меленькое, белое, совсем новое – первый раз за весь декабрь. В холодном воздухе рассеивалось что-то чистое, праздничное. Народу было полно, играла новогодняя музыка. Дед Мороз со Снегурочкой проводили детские конкурсы, вопили в микрофон. Мать, возбуждённая, улыбающаяся, время от времени оглядывалась на Антона. Остановилась на минутку:

– Ты знаешь, я так давно нигде не была...

Он знал.

Какая-то девочка в костюме тигрёнка налетела на него и громко заревела. Антон наклонился, стал её успокаивать, наконец вручил подоспевшей на рёв бабушке и поднял голову.

Огляделся – матери не было видно. Посмотрел влево-вправо. Толпились вокруг люди, чужие весёлые люди. Почему-то всплыло в памяти давно забытое – на детской площадке он вертит головой, высматривая маму, а она машет ему со скамейки, улыбаясь. Была там Аня? Нет, кажется, ещё нет.

Народ шумел, галдел, смеялся. Её не было нигде. Странная тревога растекалась внутри. Антон успокаивал себя – просто праздник, толпа. Всё нормально! Сейчас она откликнется, найдётся. Но необъяснимый дикий страх холодком бежал по рукам, поднимая дыбом волосы.

«А теперь возьмите за руку того, кто рядом!» – гремел Дед Мороз. Она же рядом была, всё время была рядом...

Что-то громко звякнуло.

– Человеку плохо! Скорую!

Он рванулся вперёд, оттолкнул какую-то взвизгнувшую девушку. Прорвался, выбрался из гудящей толпы и замер. Подвыпивший мужичок приподнимался на заснеженном тротуаре, разглядывая разбитую бутылку и бормоча что-то себе под нос.

– Мама! – в отчаянии заорал Антон, глядя вверх этого людского моря.

И наконец увидел ее – синяя вязаная шапка, старое серое пальто.

Протолкался, тронул её за плечо, облегчённо выдохнул:

– Мам! Ну куда ты делась? Я тебя ищу-ищу...

Она радостно обернулась:

– Ой, а я и не заметила, как отошла! Веселье какое! И чай продают, и пряники!

– Хочешь?

– Дорого, наверно. Давай лучше дома, своё, – нерешительно улыбнулась она.

– Стой тут, я сейчас, – Антон двинулся к палатке.

Пряники оказались действительно дорогие, но роскошные, праздничные – в блестящей глазури, расписанные вручную. Назад шёл медленно, стараясь не расплескать из тонкого мнущегося стаканчика.

– Замёрзла? Вот, и пряник держи.

– Ой, Антош, чудо какое! – восхитилась она. – Звёздочка золотая...

– Ешь, ешь, не прячь, – улыбнулся Антон, – я Аньке тоже взял. А то я тебя знаю...

Сыпал снежок, сияло солнце. Легко дышалось, совсем легко.